

Александр Александрович Львов

Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории философии, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.lvov@spbu.ru

Елизавета Юрьевна Кравченко

Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат культурологии, ассистент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: e.kravchenko@spbu.ru

Философско-антропологический анализ аксиоматических аспектов концепта мировоззрение в русскоязычном дискурсе

Аннотация. Обнаружение, описание и интерпретация особенностей смыслополагания понятия *мировоззрение* — актуальная задача в связи с его сложившимся в русском языке узусом. Средствами лингвоконцептуального анализа исследуются семантические потенции сочетания понятий «мир» и «видеть» в концептуальном словообразовании русского языка, рассматривается генезис концепта *мировоззрение*, родственных ему и семантически близких концептов, анализируется реальное их употребление в художественной, публицистической и философской русской литературе XIX–XX вв. Демонстрируется, что концепт *мировоззрение*, с одной стороны, это краткая формула наблюдения за миром, предстающим в своем единстве, с другой — стремление мыслить многообразие окружающей действительности как единый мир. Именно определенность нашей установки как субъекта(-ов) обуславливает единство мира (в том числе и в форме партийности), который всегда *наш мир*.

Ключевые слова: мировоззрение, лингвоконцептуальный анализ, мир, мировосприятие, миропонимание, мирозерцание, Weltanschauung, аксиоматика.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00880 «Естественно-историческая аксиоматика космологического императива в национальном самосознании России (на материале русской литературы XIX–XX вв.)».

Alexander A. Lvov

Saint Petersburg State University, Candidate of Philosophical Sciences,
Acting Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg, Russia
e-mail: a.lvov@spbu.ru

Elizaveta Yu. Kravchenko

Saint Petersburg State University, Candidate of Culturology,
Assistant of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg, Russia
e-mail: e.kravchenko@spbu.ru

Philosophical and Anthropological Analysis of Axiomatic Aspects of the Concept of Worldview in the Russian-Language Discourse

Abstract. The detection, description and interpretation of the semantic features of the concept of *worldview* is an urgent task in connection with its established usage in the Russian language. Russian linguoconceptual analysis explores the semantic potencies of the combination of the concepts of “world” and “see” in the conceptual word formation of the Russian language, examines the genesis of the concept of *worldview*, related and semantically close concepts, analyses their real use in artistic, journalistic and philosophical Russian literature of the 19th–20th centuries. It is demonstrated that the concept of *worldview*, on the one hand, is a brief formula for observing the world appearing in its unity; on the other hand, it is the desire to think of the diversity of the surrounding reality as a single world. It is the certainty of our attitude as a subject(s) that determines the unity of the world (including in the form of party spirit), which is always *our world*.

© Львов А. А., Кравченко Е. Ю., 2023

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2023, № 4 (41), с. 24–29.
Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2023, no. 4 (41), pp. 24–29.

Keywords: worldview, linguoconceptual analysis, world, world perception, world understanding, world outlook, Weltanschauung, axiomatics.

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00880 “Natural-Historical Axiomatics of the Cosmological Imperative in the National Consciousness of Russia (A Case Study of Russian Literature of the 19th–20th Centuries)”.

Введение (Introduction)

Изучение смыслопорождающих средств различных философских культур дает основание утверждать, что концептуальные связи в них могут быть артикулированы специфическими, родными для каждой конкретной культуры способами и средствами. При этом всякая философская, как и языковая или иная форма культуры, испытывает влияния других культур и, в свою очередь, сама оказывает влияние, что выражается, в частности, в адаптации и (пере)осмыслении основополагающих понятий и категорий. История философии Нового времени — это в том числе и захватывающая история переводов, формирующих тезаурус ведущих новоевропейских языков философии, и русский язык здесь не исключение. Во многом под влиянием деятельности авторов-просветителей, а также писателей XVIII в. (прежде всего М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина и др.) оказались усвоены и прочно вошли в повсеместное употребление такие кальки с французского, немецкого и прочих языков, как *извращение*, *промышленность*, *влюбленность*, *развитие*, *впечатление* и т. п. [1, с. 164–178].

Впрочем, такова судьба не только слов повседневного обихода, но и философского русского языка. В частности, в нём, как и в других западноевропейских языках, понятие *мировоззрение* изначально появилось как словообразовательная калька с немецкого. Впервые это слово было зафиксировано в одной из публикаций журнала «Вестник Европы» в 1828 г. [2, с. 6], а именно в статье «Ход Эстетики в Германии» [3] — переводном обзоре некоторых сочинений по философии искусства первой половины XIX в. Это понятие было использовано для перевода названия книги ныне забытого философа Карла Фридриха Евсевия Трандорфа (1782–1863) «Эстетика, или Учение о мировоззрении и искусстве» и употреблялось лишь в качестве *terminus technicus* [4]. По данным Национального корпуса русского языка, само слово *мировоззрение* стало активно употребляться в публицистической и художественной литературе как минимум с середины 1860-х гг.; в качестве одного самых ранних примеров дается ссылка на произведение В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» [5].

При этом сегодня понятие *мировоззрение* носитель русского языка едва ли может воспринимать как неродное: им активно пользуются в публицистике и художественной литературе, оно является одним из основных понятий в рамках гуманитарных университетских курсов, преподающихся на всех ступенях обучения. Несмотря на то, что в концептуальном отношении оно проблемно и многообразно, а различные авторы понимают под ним разное, тем не менее оно обладает особым смыслообразующим потенциалом в русскоязычном дискурсе, отличным порой от семантических аспектов его узуса в немецком или английском языках

[6, р. 59–66]. В связи с этим актуальна задача по обнаружению, описанию и интерпретации особенностей смыслополагания понятия *мировоззрение* в русском языке — причем не столько в связи с теоретическим его обоснованием, сколько применительно к его реально оформившемуся употреблению. Для решения этой задачи мы, во-первых, проанализируем семантические потенциалы сочетания понятий *мир* и *видеть* в концептуальном словообразовании русского языка, во-вторых, рассмотрим генезис концепта *мировоззрение*, родственных ему и семантически близких концептов, а также проанализируем реальное их употребление в художественной, публицистической и философской русской литературе XIX–XX вв.

Методы (Methods)

Статья продолжает серию публикаций, посвященных применению лингвоконцептуального метода в историко-философском исследовании [7, с. 23]. Заметим, что не всегда удается зафиксировать строгое соответствие феномена духовной жизни общества в конкретный исторический период и концепта, которым бы данный феномен обозначался. Хотя всякое понятие обозначает некоторое конкретное явление, из этого вовсе не следует, что всякое явление непременно обозначается определенным понятием. Едва ли можно говорить о настолько строгом соответствии выражения мысли концептуальному языку. На примере анализа концепта *мировоззрение* становится ясно, что, призывая к чистоте употребления тех или иных понятий, едва ли можно раз и навсегда прояснить их и тем самым предотвратить их смешение в языке, добиться концептуальной строгости в их употреблении. Методологическая особенность в применении лингвоконцептуального анализа к историко-философскому материалу заключается в том, что такой метод позволяет представить историю философии, историю идей как особого рода антропологическое исследование: оно отражает специфику выражения смысла при конвенциональном употреблении свойственных данной культуре концептов. Таким образом, суть работы заключается не в том, чтобы вычистить язык, избавив его от противоречий или многозначности, а в том, чтобы попытаться по возможности четко очертить аксиологический горизонт, на фоне которого становится возможной семантическая полнота концептуального словоупотребления.

Литературный обзор (Literature Review)

Фактические данные по истории понятия *мировоззрение* в русском языке мы почерпнули из исследований К. Фленкштейн [2], В. В. Виноградова [8], Е. А. Земской [9, с. 33–34], В. В. Колесова [10, с. 78], А. Б. Лярского [11]. Мы также учитывали данные, приведенные в словарях и лексиконах [5; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Наконец, концептуальные

выводы нашей работы основываются на анализе и осмыслении разнообразного материала русской художественной, публицистической и философской литературы XIX–XX вв.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Анализ источников показывает, что сочетание слов, выражающих смысл понятий *мир* и *видеть*, закономерно в различных языках: по данным Н. С. Араповой, синтагматическое сближение идей «мир» и «видеть, смотреть» известно в славянских языках в более раннее время, нежели XVIII в., и в старославянском языке мы встречаем, например, слово *мирозрител(ь)ный*: известна книга поучений под названием «Зерцало мирозрителное» 1685 г. Наиболее общая реконструкция этого понятия указывает на сопряжение корней *Vido-migrь/*Vidi-migrь, причем это сопряжение специалисты прослеживают на основе древнерусских и македонских топонимических свидетельств [17, с. 226]. Собственно, под *миром* в данном случае понимается «миръ, Вселенная, *mundus, κόσμος*» [19, с. 107–108]. Уже с XI–XII вв. в русском языке понятие *мир* прочно связано с человечеством вообще, а также *мирянами*, т. е. не принадлежащими духовенству людьми, живущим в *миру*, в более узком смысле — с некой общиной (крестьянской, посадской, городской, церковной) [13, с. 165]. Таким образом, *мир* в русском языке исстари обозначал не только объект (космос, Вселенную), но и коллективный субъект, конкретную группу, объединенную по некоторым характерным признакам (ценностным, социальным и пр.).

Заметим также, что между новоевропейским менталитетом, возникшим на базе латинской учености, и активно развивающимся научным русским языком происходили параллельные словообразовательные процессы. Например, название известной книги Х. Гюйгенса *Kosmotheoros* (Гаага, 1698) на русский язык было переведено как «Мирозрение» [14, с. 208], в то время как по-немецки книга называлась *Weltbeschaer* [20], по-английски — *Conjectures Concerning the Planetary World* [21]; следовательно, это составное слово в духе Нового времени воспринималось современниками явно как *terminus technicus*, который можно и следует передавать средствами национального языка. Подчеркнем, что в «Словаре академии российской», изданном в первой четверти XIX в., слова *мировоззрение*, *миросозерцание* и т. п. отсутствуют — при наличии слова *мирописание* с характерной пометой «*Cosmographia*» [22, с. 789].

Слово *миросозерцание*, образованное также по принципу кальки с немецкого, возникло в 1840-е гг. и было в большем употреблении. Судя по словарям, право гражданства понятия *миросозерцание* в русском языке закрепилось в 1866 г. — в то же десятилетие, когда аналогичное понятие входит и в английский язык. Однако появилось оно, по-видимому, раньше, чем понятие *мировоззрение*: одним из наиболее ранних случаев употребления его является дневниковая запись А. В. Дружинина [23]. Правда, в 3-м томе «Философского лексикона» С. С. Гогоцкого (1866) такого отдельного понятия нет, хотя в статье «Мифология» речь идет об «...отношении мифического и религиозного миросозерцания к философскому» [24, с. 489–490], а в статье «Философия» читаем: «С развитием новых начал философии в XIX

веке не могли не преобразоваться и понятия об истории, Искусстве, о слове и словесности с ее прозой и поэзией, о географии и ее отношении к истории и так далее. В этом отношении для понимания внутренней связи между общим миросозерцанием и общими началами философии и направлением разных отраслей образования известного времени, изучение философии и истории философии очень важно» [25, с. 87]. Однако в его же «Философском словаре» 1876 г., о котором исследователи говорят, что он определил важнейшие философские понятия, тем самым зафиксировав нормальное словоупотребление в рамках академического языка [26, с. 5; 27, с. 92], эти понятия уже присутствуют [26, с. 105–106].

Здесь обнаруживается спорный момент: В. В. Колесов утверждает, что *мировоззрение* как философское понятие было зафиксировано только в 1906 г. [10, с. 78], в то время как нам удалось обнаружить помимо данных из словаря С. С. Гогоцкого, что уже в словарной статье 1903 г. *мировоззрение* и *миросозерцание* употребляются как полные синонимы [28, с. 258]. Более того, В. В. Виноградов упоминает об этих словах также и в своих «Очерках» [8, с. 775]. Следовательно, эти слова к 1870-м гг. употреблялись уже не только образованной, но и самой широкой публикой и едва ли воспринимались в качестве неологизмов. По-видимому, это связано с историей его адаптации в русском языке, хотя очевидно, что потребовалось время, чтобы оно окончательно закрепилось в повседневном пользовании.

Немецкое *Weltanschauung* первоначально переводилось именно как *миросозерцание*, например, П. А. Кропоткин уже в начале 1850-х гг. [10, с. 79]. Это неудивительно, поскольку в русскоязычной литературе понятие *Anschauung* традиционно переводится как *созерцание*. Однако русские писатели и мыслители, как и их европейские коллеги, понимали *миросозерцание* прежде всего как нечто индивидуальное, личное, пожалуй, даже психологическое — в противоположность очевидно классовому смыслу слова *мировоззрение*, нередко с позитивистским или материалистическим (например, в словосочетании *научное мировоззрение*) оттенком; такое различие смыслов мы находим уже у Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого [10, с. 79]. Весьма показателен пример различения в журнальной среде середины XIX в. смыслов *мировоззрения* (*миропонимания*), *мироразумения* и *миродействия* (у Н. Михайловского) [10, с. 80]: здесь акцент ставится на смысле поступка как действия (в духе *Tathandlung*, «дела-действия» И. Г. Фихте) в отличие от мысли как действия, созерцания мира, исходя из принятых спекулятивных принципов, что было более близко к идеям впервые употребившего понятие *Weltanschauung* И. Канта.

Кроме того, *мировоззрение* образовывало в русскоязычном пространстве и такие устойчивые сочетания, для которых были характерны смыслопорождающие культурные коннотации. Например, достаточно часто в текстах рукописных журналов, создаваемых школьниками в конце XIX — начале XX вв., речь идет о «выработке мировоззрения». А. Б. Лярский указывает, что *мировоззрению* приписываются три характеристики: оно по своей природе есть результат осознания действительности; оно есть деятельность по пре-

образованию мира; оно делает своих носителей двигателями прогресса [11]. Добавим, что специальная адресованная молодежи работа о мировоззрении была написана Н. И. Кареевым [29], что указывает на весьма высокую популярность данной темы в интеллектуальной и интеллигентской среде второй половины XIX в. При этом А. Б. Лярский отмечает, что уже в начале XX в. происходит перемена в восприятии этого понятия, и из объема понятия *мировоззрение* как бы вымывается активное, мирозозидающее начало. Таким образом, сущность мировоззрения с активного отношения к миру сменяется на пассивное и далее трансформируется в «единственно правильную» идеологию, причем с ярко окрашенным акцентом на партийность, приверженность к определенной идейной группе. Это, между прочим, хорошо видно по текстам российских публицистов 1860-х гг., в частности Д. И. Писарева [30, с. 99, 171–172, 179, 344–354], и корни этих воззрений, по-видимому, следует искать в работах философов-позитивистов, начиная с О. Конта.

Интересным примером открытого мировоззренческого противостояния стала пореволюционная пора: существуют замечательно подобранные антологии, позволяющие показать всё многообразие исповедуемых разными группами взглядов в контексте не только политической, но и теоретической полемики 1920-х гг. Так, для Л. Шестова *мировоззрение* означает системность взглядов, завершенность и ограниченность понимания мира различными научными дисциплинами, а также философией. Он отмечает, что в этом заключается потребность нашего разума, при том что сам наш разум уже был дискредитирован неспособностью познать всего и всё охватить [31, с. 454]. Иными словами, для повседневного мышления завершенность картины мира представляется благом и даже необходимостью, поскольку ее границы («преграды мысли», по Л. Шестову) удерживают ум от рискованного вопрошания о сути вещей. В этом парадоксальным образом проявляется сущность не только философского мышления, но и самого мировоззрения, а именно: способность схватывать мир в единстве его элементов, а не принимать некоторую извне данную готовую модель. Вопрошая о мире, о его причинах, о сущности человеческой природы, философы прочнее схватывают мир именно как онтологическое единство его составляющих, в то время как обывательская картина мира является лишь эрзацем мира, а значит, и подлинной деятельности в мире. У того, кто отказывается от рискованного схватывания мира собственным умом, мир разваливается на глазах при первом же потрясении.

Н. А. Бердяев в своей программной статье, открывавшей первый номер журнала «Вехи» (1909), сближает понятия *мировоззрение* и *идеология*. Он говорит о присущей революционно настроенной российской интеллектуальной публике близорукости и ее безучастности к творческому пути В. С. Соловьева: «...Русская интеллигенция Вл. Соловьева не читала и не знала, не признала его своим. Философия Соловьева глубока и оригинальна, но она не обосновывает социализма... не может быть удобно превращена в орудие борьбы с самодержавием и потому не давала интеллигенции подходящего “мировоззрения”...» [32, с. 38]. Здесь же Н. А. Бердяев упоминает имена таких творцов интеллигент-

ского мирозозерцания XIX в., как О. Конт и Р. Авенариус. Нельзя не заметить, как в таком словоупотреблении сливаются два смысла *мировоззрения*: с одной стороны, речь идет о знакомой по публицистике 1860-х гг. партийности, принадлежности тех или иных людей к определенной группе, разделяющей определенные взгляды, идеалы или ценности; с другой стороны, здесь виден смысл творческого пути по переустройству мира, который изначально вкладывался в понятие *Weltanschauung* немецкими романтиками. Таким образом, *мировоззрение* как концепт обогащается также смыслом светского (или даже профанного) *credo*, Символа веры интеллигентского практического разума.

Интересно также упомянуть о том, как на словоупотребление синонимичных понятий смотрели и классики русской литературы XX в. В. В. Виноградов сообщает, что М. Горький устанавливал тонкие различия между словами *мироощущение*, *мирозозерцание*, *мировоззрение*, *миропонимание*, которые «...в буржуазной публицистике употреблялись как синонимы» [8, с. 775]. Однако уже с 1930-х гг. порядок речи изменяется, и смыслы понятия *мировоззрение* трансформируются и смещаются. Это также находит отражение в литературе и публицистике советского времени, особенно в сатирических сочинениях послевоенного времени (например, у С. Д. Довлатова). Пассивное, «правильное» принятие действительности оказывается важным признаком лояльности и, соответственно, полезности государству, в то время как какое бы то ни было активное отношение к реальности становится маркером опасности и чуждости режиму. Иначе говоря, *мировоззрение* (как это понятие фиксируется в художественной литературе второй половины XX в.) оказывается важнейшим социальным, а по существу — антропологическим индикатором: в конечном счете оно работает как эффективный различительный принцип, позволяющий установить субъекта высказывания в режиме «свой — чужой» [33, с. 584–585].

В СССР эта антропологическая рефлексия («свой — чужой») в обосновании научного мировоззрения как единственно возможной формы отношения человека к миру в условиях достижений современной науки и техники усиливается в идеологическом ключе. По-видимому, именно в этот период 1920-х гг. в западноевропейском гуманитарном, в том числе и советском знании, начинает складываться представление об особом *научном* типе мировоззрения. Обычной формой рассмотрения отношений различных мировоззрений является противопоставление марксизма-ленинизма как «самого передового мировоззрения современности», которое «...имеет высокие достоинства, отличающие его от всех других мировоззрений» [34, с. 5–6] и остальных. Очевидно, что в связи с ярко выраженной идеологической трактовкой понятия *мировоззрение* оно у большинства представителей официальной советской философии получает негативную критическую окраску. Иные мировоззренческие формы признавались пережитком прошлого.

Впрочем, в период второй половины 1980–1990-х гг. стремление отойти от догматического истолкования марксизма требовало перевода проблем, которые выдавались в идеологическом дискурсе как необсуждаемые выводы, а порой и аксиомы в проблемное поле дискуссии. Такая

тенденция (касающаяся не только мировоззрения, но и других важных собственно философских проблем) особенно видна в работах поздних 1980-х гг. [35, с. 7]. Интересно отметить, что яркой приметой времени позднесоветского периода является и возрождающийся интерес к проблемам, поставленным прежде не обсуждаемыми представителями русской религиозной философии. И вот показательный мировоззренческий разворот: многие советские эксперты в области истории философии, логики, этики, социальной философии, психологии (А. В. Гулыга, В. С. Стёпин, В. А. Лекторский, И. Т. Фролов, А. Г. Спиркин и др.) вошли в состав редколлегии серий научных изданий классических трудов русских философов — представителей религиозного Ренессанса конца XIX — первой половины XX вв.

Заключение (Conclusion)

Проанализировав источники, мы выяснили, что рост исследовательского интереса к феномену мировоззрения в отечественной традиции обнаруживается у авторов уже с середины XIX в. и продолжается вплоть до пред- и послереволюционных лет (1910–1920-е гг.), приобретая особый

характер с «перестроечной» эпохи, начиная с 1985 г. Именно с литературной деятельностью писавших о мировоззрении русских публицистов, революционных демократов, представителей русского духовного Ренессанса, а также русских и советских авторов художественных произведений связана концептуальная разработка и полемика вокруг этого семантически нагруженного понятия. *Мировоззрение*, таким образом, как с точки зрения истории своего словесного оформления, так и с точки зрения узуса предстает комплексным и неоднородным концептом, указывающим на ценностный характер восприятия мира как целого. В нём сходятся самые разные интенции и смыслы, имеющие отношение к идее творческого схватывания, видения, обозрения мира во всей его целокупности. Само понятие представляет собой как бы краткую формулу наблюдения за миром, предстающим в своем единстве. Следовательно, в этом понятии заключается диалектическая составляющая его формулировки: мы стремимся мыслить многообразие окружающей действительности как единый мир, и именно определенность нашей установки как субъекта(-ов) обуславливает единство мира (в том числе и в форме партийности), который всегда *наш мир*.

Библиографический список

1. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1981. 279 с.
2. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 22 с.
3. Ход Эстетики в Германии // Вестник Европы. 1828. Май и июнь. С. 260–272.
4. Trahdorff K. F. E. Aesthetik, oder Lehre von der Weltanschauung und Kunst. Berlin : Maurer, 1827. Band 1. 222 S. ; Band 2. 459 S.
5. В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4 // Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=C1Qq1golCAAQChy1AogACjWorKe%2BLXTAUAFSgdjcmVhdGVkeAAyAggTOGEBQicKJQojCgNyZXESHAoa0LzQuNGA0L7QstC%2B0Lfqt9GA0LXQvdC40LUwAQ%3D%3D> (дата обращения: 27.11.2023).
6. Naugle D. K. Worldview: The History of a Concept. Grand Rapids : W. B. Eerdmans Publ., 2002. 384 p.
7. Львов А. А. Проблематизация проекта «вечной философии» средствами лингво-концептуального анализа // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (38). С. 22–27.
8. Виноградов В. В. История слов. М. : [б. и.], 1999. 1138 с.
9. Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX века (к изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М. : [б. и.], 1957. Т. IV. С. 100–109.
10. Колесов В. В. Гордый наш язык... 2-е изд., перераб. СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2006. 352 с.
11. Лярский А. Б. Словарь школьников рубежа XIX–XX вв.: мировоззрение // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015 XVII Всероссийская научная конференция : сб. науч. тр. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2016. С. 86–91.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 779 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 : (М). М. : Наука, 1982. 357 с.
14. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12 : (Льстец — Молвотворство). СПб. : Наука, 2001. 253 с.
15. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2 : (Л–П). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1902. 1803 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 : (Е–Муж). М. : Прогресс, 1986. 672 с.
17. Этимологический словарь русского языка. Вып. 10 : М. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2007. 400 с.
18. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig : Hirzel, 1985. B. 28. 1824 S.
19. Львов А. А., Осипов И. Д. Метафизика сердца как мировоззренческий сюжет в русской философии // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 104–113.
20. Hügens H. C. Weltbeschauer, oder Vernünftige Muthmaßungen, daß die Planeten Nicht Weniger Geschmückt und Bewohnt Seyn, als Unsere Erde. Zürich : bey Orell, Geßner und Comp., 1767. 225 S.
21. Huygens Ch. The Celestial Worlds Discovered, or Conjectures Concerning the Inhabitants, Plants and Productions of the Worlds in the Planets. London : Printed for James Knapton, at the crown of St. Paul's Church-Yard, 1722. 162 p.

22. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 3 : (К–Н). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1814. 1414 с.
23. А. В. Дружинин. Полинья Сакс. Дневник // Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=СкАqDAoICCOQChgyIApACjICCAE6AQFCKQonCiUKA3JlcRleChzQvNC40YDQvtGB0L7Q9C10YDRhtCw0L3QuNC1MAA=> (дата обращения: 30.11.2023).
24. Гогоцкий С. С. Философский лексикон. Т. 3. Киев : Университет. тип., 1866. 639 с.
25. Гогоцкий С. С. Философский лексикон. Т. 4. Киев : Университет. тип., 1873. 325 с.
26. Гогоцкий С. С. Философский словарь. СПб. : Тропа Троянова ; Иваново : Роща Академии, 2009. 297 с.
27. Шарова М. А. Антропологические и философско-педагогические взгляды С. С. Гогоцкого // Науч. вед. Белгор. гос. ун-та. Сер. : Философия. Социология. Право. 2011. № 2 (97). Вып. 15. С. 92–97.
28. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб. : Тип. Товарищества «Просвещение», 1903. Т. 13. 794 с.
29. Кареев Н. И. Беседы о выработке миросозерцания. 4-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 167 с.
30. Писарев Д. И. Исторические эскизы : избр. ст. М. : Правда, 1989. 608 с.
31. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М. : АСТ, 2000. 832 с.
32. Вехи: Интеллигенция в России : сб. ст. / сост. Н. К. Казакова. М. : Молодая гвардия, 1991. 462 с.
33. Довлатов С. Д. Филиал // Довлатов С. Д. Избранное. СПб. : Азбука-классика, 2008. С. 576–699.
34. Основы марксизма-ленинизма : учеб. пособие / О. В. Куусинен, Ю. А. Арбатов, А. С. Беляков [и др.]. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. 774 с.
35. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М. : Мысль, 1982. 301 с.